

Библиотека для чтения

Том 101

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б59

Б59 Библиотека для чтения: Том 101 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 858 с.

ISBN 978-5-517-91665-5

«Библиотека для чтения» - ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834-1865 годах. Издавался с 1834 года А.Ф.Смирдиным. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1850 года

ISBN 978-5-517-91665-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

VI

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль и апрѣль, 1850. Новыя книги.....	41
— — Разныя извѣстія.....	18
Май, 1850. Новыя книги.....	19

VII.

С М Ъ С Ъ.

М А Й.

Причины паденія арей.....	1
Сервантесъ, драматическій поэтъ.....	3
Каприолетъ Паганини.....	13
Славой отъ рожденія.....	10
Музыкальныя новости.....	76
Новыя музыкальныя сочиненія.....	72
Моды.....	81

І Ю Н Ъ.

Пароходство на Гангесъ и Индъ.....	89
Музыка у Галловъ.....	93
Вагъ-Дейкъ и мельничиха.....	100
Бой саранчи. — Монъ-Бланъ. — Исторія Железнаго Креста. (Изъ писемъ путешественника).....	111
Дворянинъ и Денди.....	124
Женщины въ Арлзъ.....	126
Вторая Сандрыльона.....	133
Дешевый эквапажъ.....	137

Союзъ женщинъ	138
Сеттины румяна. Разсказъ Шарля Ребо. Статья послѣдняя.....	143
Музыкальныя новости.....	153
Французскія книги.....	162
Новыя музыкальныя сочиненія.....	165
Моды.....	179

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

—
I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=
ПОѢЗДКА ВЪ БОЛГАРЫ ВЪ 1849 ГОДУ.

=
(Изъ записокъ путешествовавшаго по Россіи.)

=
I.

— Слѣдовательно, по твоимъ понятіямъ, ты осмотрѣлъ все, что есть замѣчательнаго въ казанской губерніи? спросилъ меня, продолжая начатый разговоръ, добрый пріятель мой и старый товарищъ, по классной скамейкѣ въ корпусѣ, Владиміръ Александровичъ Д**. Nota bene для читателя: разговоръ нашъ происходилъ въ Казани, въ номеръ, который занималъ я въ гостинницѣ, содержимой экономомъ дворянскаго собранія.

Ироническая улыбка и голосъ, которымъ былъ сдѣланъ вопросъ, немножко меня смутили; однако же я храбро отвѣчалъ:

— По-крайней-мѣрѣ, я видѣлъ все, что хотѣлъ видѣть, то-есть, осмотрѣлъ вдоль и поперекъ самую Казань, въ которой, безспорно, есть много достойнаго вниманія....

— А именно? прервалъ меня другъ мой.

— А именно, продолжалъ я, — я успѣлъ полюбоваться величественнымъ Кремлемъ, маститой Суюмбекиной башней, вновь строящимся дворцемъ превосходнаго рисунка; поклониться мощамъ преподобныхъ казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія; взглянуть на памятникъ убиеннымъ при осадѣ Казани и монументъ нашему великому Державину; я рассмотрѣлъ наконецъ подробно безподобныя кабинеты университета, егѳ обсерваторію, клинику, анатомическій театръ, милиціа-кабинетъ, библіотеку....

— Далѣе, ввернулъ мой пріятель.

— Далѣе, повторилъ я, не забыты мною родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, духовная академія, ботаническій садъ, новая дамба и....

— Et cætera et cætera, докончилъ пріятель, замѣтя, что я уже начинаю затрудняться въ исчисленіи осмотрѣнныхъ мною казанскихъ достопримѣчательностей. Вижу, продолжалъ онъ, что ты дѣйствительно пересмотрѣлъ здѣсь все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія пріѣзжаго, пересмотрѣлъ до-того, что наконецъ въ головѣ моей рождается вопросъ: что же ты будешь дѣлать въ эти остальные четыре дня, которые тебѣ остается пробыть, по маршруту твоему, въ Казани, до полученія ожидаемыхъ тобою писемъ? Вопросъ этотъ, заключилъ мой пріятель, я дѣлаю изъ желанія помочь тебѣ сыскать средство разсѣять скуку, которая непремѣнно посѣтитъ тебя въ бездѣйствіи. Я очень хорошо знаю, что ты только созданъ для того, чтобы не посидѣть, какъ говорится, на мѣстѣ и переѣзжать безъ успокоенія, изъ одной стороны въ другую, что ты, правду сказать, очень добросовѣстно исполняешь, превосходно олицетворяя собою *regretium mobile!*..

— И такъ, на зло же тебѣ, прервалъ я, съ улыбкою, словоохотнаго пріятеля, — я остаюсь здѣсь, вотъ въ этомъ самомъ номерѣ, на всѣ четыре дня и сложа руки посвящаю себя превосходному *fac niente*; то-есть, выкуриваю вотъ всѣ эти

спары, пересчитываю эти книги и не выхожу изъ комнаты и зала.

— Однако, свазалъ мой пріятель, съ коварнымъ намѣреніемъ вывести меня изъ бездѣйствія, не худо бы было тебѣ, хвлящемуся такъ познаніемъ Россіи, взглянуть и на уѣзды казанской губерніи, въ которыхъ, право, есть много любопытнаго....

— Да, это бы дѣйствительно было не худо, прервалъ я его съ досадой, если бы я тебѣ не сказалъ раньше, что пересмотрѣлъ и по уѣздамъ все, что заслуживало вниманія: церкви, воздвигнутую при Іоаннѣ-Грозномъ, въ Свіяжскѣ, развалины возлѣ бывшаго города Билярска....

— И развалины древней столицы Болгаровъ? сказалъ мой пріятель.

— Столицы? Какой столицы Болгаровъ? живо спросилъ я.

— Какой? повторилъ мой другъ, съ проницескою улыбкою, каковую только я когда-либо видѣлъ на лицѣ чело-вѣка, — той самой столицы, которой исполинскія зданія, сотни вѣковъ существующія, и теперь какъ-бы вѣщаютъ о могуществѣ созидавшаго ихъ народа, объ его всемірной торговлѣ, просвѣщеніи; тѣхъ развалинъ, гдѣ каждый камень, каждая надпись могутъ служить безконечной темой для историка, археолога, нумизмата; тѣхъ остатковъ маститой древности, которые любопытствовали видѣть и Великій Петръ и Великая Екатерина, и которые столько занимали ученыхъ: Палласа, Френа, Сенковского....

Ясно было, что пріятель мой хотѣлъ поразить меня этой торжественной рѣчью въ самое сердце, и ему удалось это намѣреніе какъ нельзя лучше: я сидѣлъ блѣдный, безъ движенія, едва помня себя....

— Батюшки, караулъ! Да, вѣдь въ казанской губерніи, въ ста-двадцати-пяти верстахъ отъ Казани находятся развалины древней столицы Болгаровъ, съ ихъ чудными минаретами, палатами и загадочными надписями; остатки того славнаго города, который лѣтописцы наши называютъ „Великимъ“, и котораго обладатели, еще при зародышѣ нашего государства, вели торговлю съ Греціей, Персіей и Индіей! Да какии же образцы, составляя предварительный маршрутъ сво-

ему путешествію, я забылъ о Болгарахъ? Вотъ ошибка, за которую я вполне былъ достоинъ насмѣшекъ своего друга. Но время еще не потеряно: у меня впереди три дня. Это цѣлая вѣчность! „Коня! полъ-царства за коня!“ готовъ былъ я воскликнуть виѣсть съ Шекспиромъ.

— Анисимъ! вскричалъ я на своего человѣка, самымъ неистовымъ голосомъ. Чтобы черезъ часъ почтовые лошади были заложены въ коляску и ваши на своихъ мѣстахъ.

Почтеннѣйшій Анисимъ, знавшій о моемъ предположеніи пробыть въ Казани еще четыре дня и потому, вѣроятно, располагавшійся въ оставшееся время заплатить порядочную дань Морфею, при этомъ приказаніи выразилъ глазами такую фигуру изумленія и недоумчивости, что я долженъ былъ повторить свой приказъ двумя нотами выше, чтобы заставить его схватиться за шапку.

Мой пріятель разсыпался въ остротахъ о моемъ глубокомъ знаніи Россіи вообще и казанской губерніи въ особенности. Наконецъ, сокрушивъ весь запасъ своихъ стрѣлъ о крѣпкую броню моего терпѣнія, онъ принялъ на себя глубокомысленный видъ и началъ вѣщать мнѣ менторскимъ голосомъ:

— И такъ, любезный другъ, ты оставляешь столь умно придуманный тобою четырехдневный кейфъ и отправляешься осматривать развалины столицы древнихъ Болгаровъ, которая въ названіи своемъ сохранила и по-ныцѣ имя народа, ее соорудившаго. Но прежде своего осмотра, ты долженъ отъ меня получить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, чтобы могъ извлечь изъ своего посѣщенія сколь возможно большую пользу. Я могъ это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ тамъ, года три тому назадъ. И такъ, слушай....

— Слушаю обѣими ушами, отвѣчалъ я.

— Развалины столицы Болгаровъ, началъ мой пріятель, находятся теперь въ селеніи спасскаго уѣзда, называемомъ: *Болгары*. Если ты хочешь произносить это названіе такъ, какъ оно произносится на самомъ мѣстѣ и вообще здѣсь въ губерніи, то долженъ дѣлать удареніе на букву *о*, и произносить *Бѡлгары*, а не *Болгáры* и не *Бумгарь*, какъ это обыкновенно пишется. Когда именно выстроены зданія, отъ

которыя теперь остались развалины въ Болгарахъ и каковъ было первоначальное ихъ назначеніе, можно узнать обстоятельно, вопроса самая развалины!... Только надобно быть Орсеитъ, чтобы заставить говорить камни.... Что же касается до различныхъ сужденій объ этомъ предметъ нашихъ ученыхъ, то прочтя отъ листа до листа ихъ взысканія, пренія и разглагольствованія, ты будешь имѣть лишь право громко воскликнуть съ Сократомъ его знаменитое изрѣченіе: „Я только то знаю, что ничего не знаю“; разумѣется, принимая эти слова въ прямомъ, а не переносномъ смыслѣ. Достоверно лишь одно, что эти зданія были сооружены Болгарани, когда они уже исповѣдывали магометанскую вѣру; следовательно время постройки ихъ надобно положить не ранѣе первой четверти десятаго вѣка, когда болгарскимъ царемъ Алмасомъ, были вызваны изъ Багдата, чрезъ посольство къ хану Муктадиру, художники, искусные въ сооруженіяхъ строеній, хотя въ Болгарахъ есть много развалинь различныхъ зданій и въ числѣ ихъ два минарета, называемые „столбани“; но исключительнымъ вниманіемъ пользуется главный, во высотѣ минареть, стоящій возлѣ находящейся тамъ церкви, который собственно и называется въ народѣ, Болгарскимъ столбомъ. Я тебѣ почелъ за нужное сдѣлать последнее предвѣдомленіе, прибавилъ мой пріятель, для того, чтобы ты обратилъ на этотъ столбъ, какъ на самый замѣчательный остатокъ древности, особенное вниманіе, и чтобы къ тебѣ не прилипла басня Крылова о любопытномъ, не прибившемъ слона.

Я наклонилъ голову въ знакъ одобренія.

— Вотъ тебѣ еще порученіе, продолжалъ мой пріятель. Вѣроятно ты читалъ споры ученыхъ о томъ, находилась ли столица Болгаровъ на самой Волгѣ или въ девяти верстахъ разстоянія отъ ея берега, гдѣ теперь развалины? Ну такъ я тебѣ дѣлаю порученіе при осмотрѣ мѣстности вывести свое заключеніе и тѣмъ положить свою лепту на алтарь знанія.

Я далъ обѣщаніе положить, но только никакъ не болѣе одной лепты.

Вслѣдъ за тѣмъ другъ мой рассказывалъ мнѣ о знакомствѣ

своимъ съ почтеннымъ поѣзчикомъ спасскаго уѣзда, въ границахъ котораго находятся Болгары, майоръ Ж. Онъ обладалъ нѣсколькими чрезвычайно замѣчательными вещами, найденными въ развалинахъ древней столицы, и въ особенности удивительно рѣдкимъ кинжаломъ, серебряныя ножны котораго были вычеканены съ такимъ совершенствомъ, что сдѣлали бы, по словамъ его, честь самому Бенвенуто-Челлини. Желая доставить и мнѣ удовольствіе полюбоваться этимъ кинжаломъ, красотою котораго онъ не могъ нахвалиться, пріятель мой тутъ же написалъ рекомендательное письмо къ господину Ж**, и вручилъ мнѣ съ строгимъ наказомъ, быть у него при проѣздѣ черезъ городъ Спасскъ, гдѣ онъ живетъ и гдѣ я долженъ буду мѣнять лошадей. При этомъ другъ мой слегка коснулся біографіи своего знакомаго, которому меня рекомендовалъ:

Майоръ Ж** былъ герой двѣнадцатаго года, слѣдовательно человекъ пожилыхъ лѣтъ, но энергическій и живой, какъ двадцатилѣтній юноша. Онъ служилъ исправникомъ въ спасскомъ уѣздѣ около тридцати лѣтъ и по этому знаетъ уѣздъ вдоль и поперекъ, а слѣдовательно никто лучше его не могъ объяснить всего, что могло касаться до Болгаръ въ настоящемъ ихъ положеніи. Для меня это была сущая находка, потому что другъ мой сообщилъ мнѣ, что ежели я успѣю понравиться майору, то онъ, по старой привычкѣ разѣзжать по уѣзду, самъ отправится со мною, что иногда дѣлаетъ, и тогда будетъ самымъ лучшимъ моимъ чичероне. Когда къ этому пріятель мой присовокупилъ еще, что черезъ майора я могу приобрести, за безцѣнокъ, множество древнихъ монетъ и вещей, находимыхъ въ землѣ крестьянами села Болгаръ, во время полевыхъ работъ, которые обыкновенно сообщаютъ ему, какъ любителю, о своихъ находкахъ, то я торжественно объявилъ, что немедленно по пріѣздѣ въ Спасскъ, отправлюсь съ рекомендательнымъ письмомъ и употреблю всѣ усилія, чтобы понравиться ветерану.

Между-тѣмъ, благодаря расторопности моего Анисима, коляска вскорѣ была готова и черезъ полчаса я былъ уже за заставою города.

Мы выѣхали изъ Казани на чрезвычайно живописную до-

рогу, которая шла по берегу огромнаго озера Кабана. Съ одной стороны высились затѣйливыми обрывами горы песчану, увѣчанныя темною елью и широколиственнымъ дубомъ; съ другой, голубыя волны Кабана били о берегъ. Миновавъ, однако же, загородный архіерейскій домъ, картинно бѣлѣвшійся въ тенной зелени, на высокой горѣ, дорога сдѣлалась однообразнѣе и я, выкуривъ двѣ регалии, почелъ долгомъ вступить въ разговоръ съ своимъ Автомедономъ, погонявшимъ четверку огромныхъ веревочныхъ бичемъ.

— Какъ тебя зовутъ, любезный?

— Да Иваномъ Нарманскимъ, сударь.

— А что, мы теперь, Иванъ, ѣдемъ по спасской дороге?

— По спасской, ваше благородіе.

— Ты бывалъ ли когда въ Спасскѣ?

— Коли не бывалъ. Да я гонялъ не токмо что до Спасска, а ѣздялъ и дальше, въ Симбирскъ, въ Тетюши, въ Самару....

— Такъ по этому ты былъ и на болгарскихъ развалинахъ?

— Ну вотъ, что за Спасскимъ, старый городъ развалился, еще тамъ есть Болгарскій столбъ.... Э, знаю. Въ самомъ-то селеніи былъ я, почитай, разъ десятокъ, а развалины-то вездонекъ было посмотришь.

Я пожалъ плечами въ глубокомъ изумленіи. Быть десять разъ въ Болгарахъ и не обратить вниманія на развалины! О Готентотъ! Нѣтъ, ты не получишь серебрянаго рубля на водку, которыми я обыкновенно награждаю ящичковъ, сообщившихъ мнѣ какое-нибудь любопытное извѣстіе для моего дневника. Это будетъ, съ моей стороны, наказаніемъ за твое невѣжество.

— Неужели тебѣ не любопытно, любезный другъ, сказалъ я, послѣ нѣкотораго молчанія, посмотришь, напримѣръ, на какую-нибудь древнюю монету, сохранившуюся втеченіи нѣсколькихъ столѣтій?

— Древнюю.... сирѣчь старую, повторилъ ящичъ, почесавъ подъ шапкой голову, да что на нее смотришь-то? Послѣ того, какъ становой объявилъ, что стерты деньги не

будутъ ходить, я, почитай, старья-то, теперь, и даромъ не возьму, хоть цѣлую пудовку давай. Развѣ Мордвамъ али Чувашамъ сбыть на поднизи бабамъ....

Я громко засмѣялся и неумѣстности своихъ распросовъ, сдѣланныхъ въ пылу археологическаго восторга и наивнымъ отвѣтамъ Ивана, дорожившаго только новизною.

Переѣздивъ лошадей на первой станціи, я послѣ пятичасовой ѣзды изъ Казани, подѣхалъ къ селенію Япанчину, напоминавшему именемъ своимъ славнаго набѣдника Япанчу, который дѣлалъ набѣги на отряды войскъ нашихъ, осаждавшихъ Казань, при Юаннѣ-Четвертомъ Васильевичѣ. И дѣйствительно, мѣсто, гдѣ стоитъ селеніе Япанчино, находилось нѣкогда во владѣніи этого татарскаго витязя. Отсюда мы должны были переправиться черезъ Каму, чтобы попасть на другую половину казанской губерніи. Въ ожиданіи, пока Татары устанавливали экипажъ мой, я вошелъ отдохнуть, по приглашенію одного изъ перевозчиковъ, въ крайній отъ пристани домъ, довольно изрядной наружности.

Япанчино было первымъ татарскимъ селеніемъ, въ которомъ я находился со дня моего рожденія, а потому не удивительно, что переступя за порогъ дома, я съ любопытствомъ осматривался кругомъ себя. Въ-самомъ-дѣлѣ, убранство дома напоминало, что тутъ живутъ люди, послѣдующіе Корану: внутренность его состояла изъ четырехъ комнатъ, единообразно меблированныхъ. Къ одной сторонѣ, во всякой комнатѣ, настланы были доски, на три четверти аршина отъ полу, такимъ-образомъ, что составляли какъ бы кровати, распростиравшіяся во всю ширину комнатъ. Помосты эти, съ обѣихъ сторонъ, замѣщены были огромными пуховыми постелями, въ разноцвѣтныхъ, полосатыхъ наволочкахъ, прислоненными стоймя, къ боковымъ стѣнамъ, одна на другую. Надъ этими постелями, кругомъ всѣхъ стѣнъ, тянулись узенькія полки, украшенныя лежавшими другъ возлѣ друга подушками, также въ разноцвѣтныхъ наволочкахъ. На перекладинахъ, тянувшихся, возлѣ потолка надъ помостомъ, навѣшаны были узорчатые халаты, весьма тщательно сложенные. Въ простѣнкахъ, между окнами, красовались большіе листы бумаги, испещренные изрѣченіями изъ Алкорана, размалеван-